

Булавин Максим Викторович

МЕТОДЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ

Статья посвящена анализу методов антирелигиозной пропаганды, применявшихся организациями Союза воинствующих безбожников на территории Среднего Урала в период 1920-х-1930-х гг. Основное внимание уделяется выявлению сильных и слабых сторон использовавшихся пропагандистских методов и определению их общей эффективности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 36-42. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

теоретическое обучение офицеров в классах, мастерских и на аэродромах, так и, главным образом, практическую отработку ими навыков пилотирования с инструктором. Завершалось обучение самостоятельными зачетными полетами. Летали, правда, россияне на аэропланах иностранных марок - «Фарманах», «Вуазенах», «Моранах», но следует помнить, что часть из них уже была сделана нашими рабочими на заводе В. А. Лебедева в Петрограде, причем, отечественные машины считались более надежными, чем их иностранные аналоги.

Весьма впечатляет и уровень подготовки военных летчиков. Три аэродрома, ангары, различные мастерские, учебные классы с макетами, моделями и другими наглядными пособиями представляли собой хорошую материально-техническую базу обучения. Программа подготовки пилотов, помимо сугубо авиационных дисциплин, включала изучение радиотелеграфа, авто- и фотодела, материаловедения и других предметов.

Таким образом, столетие назад в Петрограде была создана и успешно функционировала вплоть до революции 1917 года одна из школ подготовки офицерского летного состава российской армии. Достаточно хорошая, по меркам того времени, учебно-материальная база авиашколы, отработанная система теоретических и практических занятий позволяла этому учебному заведению производить по несколько ускоренных выпусков общей численностью порядка 150 военных летчиков в год.

Список литературы

1. Баргатинов В. А. Крылья России: полная иллюстрированная энциклопедия. М.: Эксмо, 2008. С. 5.
2. Военный энциклопедический словарь. М.: Военное издательство, 1986. С. 367.
3. Елисеев С. П. Развитие авиации русской армии в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 2008. № 2.
4. Маслов М. Русские самолеты. М.: ООО «Цейхгауз», 2006. С. 37.
5. Отчет о деятельности Петроградской военной авиационной школы за 1916 г.: рукопись // Библиотека Военно-космической академии им. А. Ф. Можайского.
6. Шумихин В. С. Советская военная авиация. М.: Наука, 1986. С. 52.

MILITARY PILOTS TRAINING SYSTEM DURING THE FIRST WORLD WAR

Dmitrii Anatol'evich Bochinin, Ph. D. in History
Department of Economics and Military Law
Military-Cosmic Academy named after A. F. Mozhaitskii
timofey1967@mail.ru

The author considers the military pilots training system of one of the main flying schools of pre-revolutionary Russia - Petrograd military school of pilots. 151 officers-pilots were trained in this educational institution for the air units of the Russian army in 1916.

Key words and phrases: aeroplane; airborne prospecting; flying school; flights programme; pilot.

УДК 94(47).084

Статья посвящена анализу методов антирелигиозной пропаганды, применявшихся организациями Союза воинствующих безбожников на территории Среднего Урала в период 1920-х-1930-х гг. Основное внимание уделяется выявлению сильных и слабых сторон использовавшихся пропагандистских методов и определению их общей эффективности.

Ключевые слова и фразы: Союз воинствующих безбожников; секуляризация; атеизм; антирелигиозная пропаганда; атеистическое движение.

Максим Викторович Булавин, к.и.н.

Кафедра истории, теории и методики обучения

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

bulavin.m@mail.ru

МЕТОДЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ®

Одним из наиболее важных духовных процессов в истории российского социума стала секуляризация, развернувшаяся в нашей стране на фоне модернизации, осуществлявшейся с начала XVIII в. Ее пик пришелся на двадцатое столетие, когда властями был запущен в жизнь гигантский по своим масштабам секуляризационный проект. Власти СССР предполагали, что в течение нескольких десятилетий религия исчезнет как

фактор, влияющий на духовную жизнь общества, а Советский Союз станет первой в мире страной, покончившей с «религиозными предрассудками».

Начиная с 1925 г. одним из главных инструментов идеологической политики, направленной на разрушение религиозного мировоззрения верующей части советских граждан, стал Союз безбожников (СБ), с 1929 г. переименованный в Союз воинствующих безбожников (СВБ). Деятельность СБ-СВБ неоднократно становилась предметом внимания историков как в советское время, так и на современном этапе развития исторической науки. Среди авторов, внесших наиболее весомую лепту в исследование истории этой атеистической организации, особого упоминания заслуживают В. А. Алексеев, Г. В. Воронцов, М. И. Одинцов, С. В. Покровская, А. А. Слезин [1; 2; 6; 8; 10-14]. Тем не менее, по-прежнему актуальной задачей является изучение таких значимых взаимосвязанных проблем как региональные особенности развития СВБ, ресурсное обеспечение его деятельности, методы антирелигиозной пропаганды, применявшиеся на практике в борьбе с идеологическим влиянием религиозных организаций. В настоящей статье на основе ранее не публиковавшихся архивных материалов мы представляем очерк основных пропагандистских методов, применявшихся в 1920-е-1930-е гг. безбожниками Среднего Урала.

Период 1920-х-1930-х гг. в истории советского атеистического движения характеризовался особым разнообразием форм пропагандистской работы. Отчасти это было отражением духа эпохи, когда энтузиазм строительства нового общества еще не уступил места косному бюрократизму, характерному для второй половины XX века; отчасти объяснялось неизбежностью методики проб и ошибок в условиях отсутствия богатого опыта атеистической работы.

Своеобразной «визитной карточкой» 1920-х гг. явилось широкое использование безбожниками диспутов с православным духовенством. В проведении диспутов по-своему были заинтересованы обе стороны. Ревностные священнослужители православной церкви использовали в их ходе едва ли не единственный доступный шанс обращения к широкой аудитории вне стен храма и открытой полемики с официальным безбожием. Для антирелигиозников диспуты были привлекательны возможностью собирать на совершенно добровольных началах аудитории очень большой численности, особенно в сельской местности. На таких мероприятиях присутствовало до 400-500 слушателей, а проведенный в 1925 г. в с. Орде Кунгурского округа диспут посетило около 4 тыс. человек [11, д. 426, л. 236; 16, д. 132, л. 138]. Помимо жителей определенного населенного пункта, публику часто составляли и приехавшие из соседних сел и деревень. В Пермском округе и других местностях население, в том числе верующее, само просило чаще устраивать диспуты [17, д. 444, л. 38].

Секрет привлекательности этой формы пропаганды заключался отчасти в том, что диспут содержал в себе элемент шоу, развлечения. В бедную будоражащими событиями культурную жизнь деревни вносилось начало состязания, острой полемики, принципиального спора. Не только безбожники, но и верующие с нетерпением ждали начала состязания. Выступавшим докладчикам задавалось до 100 и более вопросов со стороны аудитории [Там же, л. 48].

Тем не менее, сравнительно рано атеистические и партийные руководящие структуры взяли курс на свертывание практики организации диспутов. В основе этого поворота лежало, главным образом, недоверие к возможностям малоквалифицированных местных кадров антирелигиозников. В ряде случаев церковная сторона выставляла высокообразованных сильных полемистов, которые просто уничтожали своих некомпетентных оппонентов [18, д. 426, л. 177]. При наличии резкого контраста в уровне подготовки сторон, заведомой слабости безбожников, диспуты наносили чувствительный урон репутации последних, а через это - и авторитету самой власти. Уже летом 1925 г. до уральских агитаторов-антирелигиозников было доведено решение I съезда Общества друзей газеты «Безбожник». В нем говорилось: «Съездом диспуты признаны не особенно удобной формой антирелигиозной пропаганды, дающей мало положительных результатов, а при слабой подготовке антирелигиозных пропагандистов - даже вред» [16, д. 573, л. 4 об.]. Последние диспуты с верующими на Среднем Урале были, по всей видимости, проведены в 1936 г. бригадой известного московского антирелигиозника Б. П. Кандидова [3, д. 1551, л. 5, 28]. В послевоенный период даже в масштабах СССР проведение диспутов было исключительно редким явлением.

Еще раньше из практики были выведены антирелигиозные шествия и карнавалы. Первые подобные мероприятия были организованы в 1923 г. в рамках т.н. «комсомольского рождества» и «комсомольской пасхи», с особым размахом - в Москве и Петрограде [27, с. 43]. Эти действия представляли собой квинтэссенцию грубости, позволявшей в то время по отношению к религии, и одновременно были в значительной мере деидеологизированы, обнаруживая значительно большее сходство с традициями народной антицерковной смеховой культуры, чем с прочими формами антирелигиозной пропаганды [5, с. 127-128]. Поэтому, с одной стороны, они вызывали сильное возмущение верующих, а с другой - несли на себе заметный налет «неправильности» с позиций официального атеизма. Оргбюро ЦК партии и Антирелигиозная комиссия после первого же опыта проведения рождественских и пасхальных шествий постановили в дальнейшем воздерживаться от их организации [7, д. 411, л. 45].

Попытка возродить к жизни антицерковные карнавалы пришлось на 1930 г., когда в условиях форсирования натиска на церковь на короткое время была восстановлена атмосфера «бури и натиска», свойственная началу 1920-х гг. Центральный совет СВБ в инструктивном письме о проведении антипасхальной кампании призвал, помимо прочего, организовать «митинги, демонстрации, карнавалы» [20, д. 669, л. 12]. Однако нет

никаких следов того, что на местах выполняли эти инструкции, а вскоре призывы безбожного руководства потеряли актуальность.

В это же время безбожники получили в свои руки мощный пропагандистский инструмент, который на тот момент не мог быть использован церковью: театр, радио и кино. Особенно велико было значение радио и кинофильмов, их действенность основывалась на технической новизне этих средств информации, производившей сильнейший психологический эффект. Важно, что знакомство с ними широких масс происходило по инициативе власти, и власть представляла перед народом в образе своего рода кудесника, наглядно демонстрирующего свое невиданное ранее могущество.

Результативность пропаганды, основанной на использовании радио и кино, была особенно очевидной применительно к деревне. Магизм, присущий крестьянской религиозности, при помощи радио и кино особым образом переключался на новый объект - советскую власть с ее небывалыми возможностями. Знакомые с жизнью деревни уральские безбожники неустанно подчеркивали важность широкого внедрения в деревню радио и киноустановок, говорилось о том, что «это будет самое важное чудо в деревне» [18, д. 426, л. 243]. Значение радио вполне осознавалось и верхами СВБ. Центральный совет Союза называл радио одним из сильнейших средств борьбы с религией, которое одним лишь фактом своего существования «оказывает огромное революционизирующее влияние на сознание остальных слоев трудящихся» [4, д. 25, л. 34].

В тех случаях, когда в радиопередачах и фильмах наличествовал антирелигиозный компонент, создавался заметный кооперативный эффект. Не вызывают поэтому удивления свидетельства о том, что крестьянские дети даже из самых патриархальных мест Урала восторженно отзывались о случайно виденных антирелигиозных фильмах. Необходимо отметить, что сильной стороной радиопередач и кинофильмов как средства атеистической пропаганды являлась возможность (за счет централизации) создания их на относительно высоком уровне. В то же время более частые антирелигиозные спектакли, неизменные спутники вечеров, проводимых СВБ и профсоюзными клубами, сильно проигрывали именно в силу низких художественных качеств. Отмечались случаи, когда рабочая публика с возмущением покидала театры и клубы, будучи недовольной непрофессионализмом «безбожной самодеятельности» [23, д. 375, л. 77 об.].

Понимая всю возможную для себя пользу от внедрения новых средств пропаганды, уральские атеисты по мере сил пытались развивать безбожное радиовещание и прокат фильмов. Особенно много антирелигиозных передач по радио выходило в эфир на рубеже 1920-1930-х гг., когда осуществлялся форсированный натиск на церковь. С октября 1929 по май 1930 г. было подготовлено 27 номеров радиогазеты «Уральский безбожник», а с мая 1930 по февраль 1931 г. - еще 29 номеров [3, д. 94, л. 4]. Впоследствии на развитии антирелигиозного радиовещания плачевным образом начало сказываться снижение интереса государства к антирелигиозной работе, отмечавшееся в период 1933-1936 гг. В середине 1930-х гг. подготовка антирелигиозных передач на Среднем Урале была практически полностью прекращена. Оживление атеистической работы, произошедшее в конце 1930-х гг., лишь в небольшой степени возродило прежний опыт. Так, образцовый по многим показателям Молотовский облсовет СВБ за 1940 г. подготовил только две радиопередачи [26, д. 197, л. 127].

Серьезным ограничительным моментом для широкого развертывания «технических» форм антирелигиозной пропаганды являлась слабость соответствующей инфраструктуры, особенно в сельской местности. Даже в 1936 г. в Свердловской области имелось лишь около 1 тыс. киноустановок, из них всего 211 звуковых. Значительно лучше обстояло дело с радиофикацией - количество радиоточек составило почти 76 тыс. единиц (правда, менее 14 тыс. из них находилось в деревне) [23, д. 370, л. 4, 63]. Однако упадок безбожного радиовещания в значительной мере нивелировал значение этих общих достижений.

Наконец, еще одной формой антирелигиозной пропаганды с преобладанием момента наглядности и «интересности» для широких масс стали экскурсии в антирелигиозные музеи. Пик их численности по стране приходится на безбожную «горячую пору» - рубеж 1920-1930-х гг. В 1931 г. насчитывалось 77 таких музеев [4, д. 94, л. 4]. 1 декабря 1929 г. в Свердловске на базе экспозиции муляжей был создан областной антирелигиозный музей. До 1933 г. он испытывал на себе все последствия перманентного организационного и финансового кризиса, переживавшегося СВБ, и занимал два небольших помещения Дома крестьянина. На начало 1933 г. экспозиция включала в себя только 297 экспонатов, большинство из которых представляло собой муляжи. Преимуществом музея являлось наличие при нем довольно крепкого, по меркам времени, актива. В лекционное бюро при музее входили 2 врача и 2 педагога-естественника, экспозицию помогали оформить 25 учащихся школы второй ступени. В результате небольшой музей смог за первых полтора года своего существования провести 262 мероприятия, включая экскурсии [20, д. 669, л. 66; 22, д. 227, л. 39].

В 1934 г. помещения музея были реконструированы, существенно, до 1212 единиц, расширена экспозиция. При музее соорудили обсерваторию. В результате его посещаемость оказалась достаточно высокой: только за одно полугодие 1934 г. там побывало 9693 человека, причем абсолютно преобладали любопытствующие одиночки (8202 посещения). (Заметим, что это свидетельствует о значительном интересе населения к антирелигиозной пропаганде, который в других случаях СВБ зачастую не мог удовлетворить). Деятельность музея, ставшего витриной областного совета СВБ, финансировалась в этом году несравненно лучше, чем любое из атеистических начинаний - на его работу было выделено 20 тыс. руб., хотя это и было вдвое меньше испрошенной суммы [Там же].

Упадок атеистической работы, пришедший на середину 1930-х гг., сказался на работе Свердловского музея самым пагубным образом. Он перестал получать финансирование и был закрыт, разделив, таким

образом, судьбу значительной части аналогичных музеев по СССР. По данным, приведенным Е. М. Ярославским в 1936 г., в стране к этому времени действовало чуть более 30 антирелигиозных музеев [4, д. 105, л. 16]. Восстановлен был музей на волне оживления атеистической пропаганды специальным постановлением обл-исполкома от 11 сентября 1937 г. В течение первых месяцев своего существования он с трудом пытался выйти на прежние показатели, однако до конца 1937 г. смог обслужить только 2 тыс. посетителей. Начиная с 1939 г. деятельность музея существенно интенсифицировалась, он принимал уже свыше 20 тыс. человек в течение года. Экспозиция музея насчитывала более 3 тыс. единиц экспонатов, в том числе мощи св. прав. Симеона Верхотурского [24, д. 467, л. 87 - 88 об.; 26, д. 197, л. 132-134].

К 1930 г. относится короткий опыт деятельности передвижного вагона-музея. Созданный по решению облсовета СВБ, он побывал в 22 населенных пунктах области, включая Нижний Тагил, Кушву, Гороблагодатск, Верхотурье, Кунгур и др. Только в индивидуальном порядке музеев посетили более 6 тыс. человек. В дальнейшем его работа не нашла продолжения, хотя и ставилась в пример другим организациям страны Центральным советом СВБ [4, д. 94 б, л. 5; 20, д. 669, л. 67].

Выраженные в цифрах показатели работы антирелигиозных музеев, особенно количество посетившей их в индивидуальном порядке публики, говорит о достаточно высокой ее эффективности и о привлекательности для масс разного рода антирелигиозной «наглядности». Эффект от деятельности музеев мог бы быть и большим, но материальные, кадровые и организационные проблемы, стоявшие перед СВБ, не позволили реализовать их потенциал в полной мере.

Наиболее распространенными формами антирелигиозной пропаганды в 1920-1930-е гг. являлись лекции, доклады и беседы. Между собой они отличались очень мало, разница состояла, в основном, в продолжительности и объеме взаимодействия со слушателями. Но монологичность, хотя и в разной степени, отличала все эти формы. Ни одна из других разновидностей антирелигиозной пропаганды не могла конкурировать с ними по количеству мероприятий и охвату населения. В годы подъема активности СВБ, какими были начало и конец 1930-х гг., лекций, докладов и бесед проводилось до 3000 ежегодно (данные на 1934 и 1940 г., соответственно, по Уральской и Свердловской областям) [22, д. 227, л. 30; 26, д. 207, л. 121].

Значение лекционной пропаганды сильно возросло после того, как был взят курс на ограничение практики диспутов, ее преобладание в работе безбожников стало абсолютным. Тут же выявились сложности, в разной мере дававшие о себе знать вплоть до конца 1930-х гг. Если в случае с диспутом сама форма «вела» мероприятие, обеспечивая его успех, то в лекции и докладе почти все зависело от выступающего. На первый план выходило его умение заинтересовать собравшихся и сделать выступление понятным для них. Играли свою роль эрудиция, речевая культура оратора, умение устанавливать контакт со слушателями. Лектора должны были отличать быстрая реакция и четкое мышление, поскольку часто после выступления приходилось отвечать на многочисленные вопросы присутствующих. Необходимым было умение доступно излагать материал аудитории, которую обычно составляли люди с низким уровнем образования. Так, в конце 1930-х гг. в Свердловском облсовете СВБ встал вопрос о том, что некоторые лекторы читали материал «чрезвычайно научно», так что слушатели совершенно не могли понять, о чем идет речь [26, д. 197, л. 74]. Наконец, существенной была и психологическая устойчивость, так как весьма часто лектор сталкивался с возмущением верующих, в некоторых случаях достаточно активно пытавшихся сорвать мероприятие. Характерный в этой связи эпизод относится к 1936 г., когда лектор Тительман выступал в Бородулинском сельсовете Агеевского района Свердловской области. «Церковники» устроили на лекции «сонное царство»: несколько человек разлеглись на полу, изображая спящих, а потом в зале началась демонстративная зевота [23, д. 370, л. 68].

Понятно, что лектор должен был являться достаточно квалифицированным специалистом. Таковых у безбожников, особенно в первые годы, было очень мало. Новички же, попытавшись в 1925-1926 гг. развернуть лекционную работу, быстро обнаружили свое несоответствие требованиям момента. Характерный пример: в ряде районов Пермского округа партийные организации запрещали безбожникам вести какую бы то ни было массовую работу и предлагали сначала «подковать себя» [17, д. 444, л. 36 об.].

Жалобы на низкое качество лекционной работы типичны для всего периода 1925-1941 гг., хотя содержательно несколько различаются. В 1920-е гг. претензии предъявлялись, в основном, к объективно низкой квалификации пропагандистов, которые и при желании не могли выдать качественного результата. «Докладчиков хороших мало», «лекционная работа часто срывается, потому что нет квалифицированного кадра докладчиков и лекторов» - типичные наблюдения того периода [18, д. 426, л. 178; 19, д. 418, л. 14 об.]. В значительной мере подобная ситуация сохранялась и спустя десятилетие. Например, на II Свердловской областной конференции СВБ, прошедшей в декабре 1938 г., о видном антирелигиознике, члене областного совета было сказано: «У нас люди не растут... Карамышев работает в облсовете, до сих пор научного, серьезного доклада о происхождении религии прочесть не может» [25, д. 307, л. 76]. Но в 1930-е гг. круг лекторов, способных по крайней мере внешне гладко провести мероприятие, все же расширился, в том числе за счет привлеченных к сотрудничеству кадров, заинтересованных возможностью заработать (в самом конце десятилетия на уральские структуры СВБ пролился настоящий золотой дождь, в сравнении с прошлыми временами). Это обернулось своей негативной стороной. Возник слой «халтурщиков», превративших атеистическую работу в источник дохода при наплевательском отношении к ее качеству. Некоторые лекторы брались за разработку до сотни тем [26, д. 197, л. 37].

Конечно, на общем безрадостном фоне всегда выделялась деятельность немногих квалифицированных энтузиастов, которые стремились превратить лекции и доклады в интересные мероприятия и добивались успеха. Одним из приемов, применявшихся ими, было использование наглядности. Так, доклады, приуроченные к празднованию дня Илии-пророка, сопровождался показом опытов с электричеством (согласно народным религиозным представлениям, пророк Илия был связан с различными атмосферными явлениями, прежде всего с дождем, громом и молнией) [16, д. 573, л. 6]. Красноречивое свидетельство в пользу эффективности применения наглядных пособий принадлежит инструктору свердловского облсовета СВБ Клепинину, который в конце 1930-х гг. шесть раз приезжал с лекциями в Таборинский район: «Особенно интересовались, как идет смена времен года, день, ночь, холод, и когда я им показал на глобусе, старики несколько раз подходили и спрашивали, неужели это так происходит. Тут же двое стариков вступили безбожниками. Беседа продолжалась с 6 до 12 часов ночи, хотя утомительно, но не расходятся товарищи» [25, д. 307, л. 83-84].

Наконец, значительное внимание в процессе развертывания антирелигиозной пропаганды уделялось распространению печатной продукции. Особую роль должны были играть уже упоминавшиеся специализированные периодические издания, прежде всего, газета «Безбожник». За недостатком грамотных пропагандистов групповое чтение газеты в избах-читальнях и по «частным хатам» являлось на первых порах едва ли не единственной постоянно существовавшей формой антирелигиозной пропаганды в деревне [16, д. 573, л. 16 об.].

В дальнейшем и облсовет СВБ, и руководство профсоюзов продолжали принимать меры по введению антирелигиозной периодики в круг массового чтения. В 1929 г. ими были установлены норма выписки, согласно которым 5 экземпляров газеты должно было приходиться на один сельсовет и 1 - на сто членов профсоюза [18, д. 426, л. 79]. К январю 1930 г. тираж газеты «Безбожник» достиг 370 тыс. экземпляров, а в 1931 г. вплотную приблизился к 500 тыс. Кроме того было издано, соответственно, 153 и 207 тыс. экземпляров одноименного журнала [4, д. 94 б, л. 10]. В 1935 г., когда интерес руководства страны к антирелигиозной пропаганде снизился, издание газеты «Безбожник» было прекращено, возобновившись лишь через три года. В год прекращения выпуска ее тираж составил 300 тыс. экземпляров [Там же, д. 105, л. 15]. Таким образом, объемы выпуска антирелигиозной периодики вполне позволяли насытить провинцию соответствующими изданиями. В 1929 г. Урал выписывал 28 тыс. экземпляров газеты «Безбожник», при этом одна выписанная газета приходилась примерно на трех членов уральской организации [19, д. 418, л. 1]. Другое дело, что номера газеты и других изданий, поступившие в библиотеки, избы-читальни, клубы и красные уголки не всегда оказывались востребованными. В красных уголках даже замечались случаи раскуривания прессы на самокрутки [21, д. 519, л. 40]. Следовательно, вставала проблема популяризации антирелигиозной периодики, но добиться ее разрешения было непросто, здесь встречались те же трудности, что и при использовании других методов пропаганды.

Наряду со многими сильными сторонами были отмечены и ряд слабых мест атеистической периодической печати. Ее содержание оценивалось некоторыми как слишком сложное, неприспособленное к уровню обычного читателя. В основном такие упреки адресовались журналу «Антирелигиозник», но и о газете «Безбожник» говорилось, что она «тяжеловатая» [18, д. 426, л. 120]. Серьезные претензии предъявлялись к художественному оформлению изданий [4, д. 98, л. 113]. Наконец, сравнительно скромное место на страницах антирелигиозной печати уделялось местному материалу. Хотя номинально в «Безбожнике», например, числилось до нескольких тысяч корреспондентов, реально сотрудничали с редакцией не более 300, а по некоторым оценкам всего 80-100. Редакции атеистических изданий и сами пренебрегали корреспондентами, систематически не отвечая на их письма [Там же, д. 22, л. 3, 4].

Тем не менее, несмотря на все сложности, положение дел с атеистической печатью было все же лучше, чем собственно с антирелигиозной литературой. Характеризуя его, уральские безбожники обращали внимание на низкий, по их мнению, процент антирелигиозных книг в составе библиотечных фондов. Например, по профсоюзным библиотекам на середину 1928 г. книг по атеизму числилось 2,7%, что не вполне соответствовало в пропорциональном отношении интересу к ним (в объеме выдач такая литература занимала от 5 до 2%, но в городских и окружных библиотеках по сравнению с профсоюзными процент ее выдачи мог снижаться в несколько раз). Близкой по объему была их доля в избах-читальнях, хотя имелись и такие сельсоветы, где не было ни одной антирелигиозной книги [19, д. 418, л. 14 - 14 об.]. Согласно оценкам облсовета СВБ, в среднем по библиотекам процент атеистической литературы составлял около 1-2% [Там же, л. 49 об.]. Читательские вкусы были явно ориентированы на беллетристику, затем на естественнонаучную и общественно-политическую литературу, и только в последнюю очередь - на антирелигиозную. Например, из 1542 книг, выданных за один месяц 1934 г. библиотеками Красноуральска, 1365 (88,5%) относились к беллетристике [22, д. 226, л. 82].

Объясняя недостаточный, по мнению безбожников, интерес к атеистической книге, можно привести следующие соображения.

Во-первых, более ли менее взыскательный читатель не мог быть удовлетворен ограниченным выбором безбожной литературы в библиотеках, которая к тому же была устаревшей. Так, из 8435 книг, находившихся на конец 1929 г. в библиотеке Чермоза, лишь 83 были атеистическими. Новых из них не было ни одной [19, д. 418, л. 65]. Поступление новых книг происходило крайне медленно. В профсоюзных библиотеках области за 1927 и 1928 годы фонд антирелигиозной литературы пополнился только на 0,7%, а в библиотеках металлистов, железнодорожников и работников просвещения - на 0,1% [Там же, л. 14]. Причиной такой

ситуации было, главным образом, общее невнимание к означенной проблеме, особенно сильное со стороны профсоюзов.

Во-вторых, еще не была сформирована привычка к чтению серьезной литературы, а к таковой как раз и относились издаваемые безбожниками книги, если не объективно, то, по крайней мере, с точки зрения массового читателя. Если даже газета «Безбожник» некоторыми воспринималась как слишком сложная, то тем более тяжело воспринималась в менее популярном духе написанные работы. Рядовыми членами СВБ иногда высказывалось мнение, что легкой по восприятию атеистической литературы не существует вообще [18, д. 426, л. 119].

В результате во второй половине 1920-х - начале 1930-х гг. СВБ вынужден был осуществлять мероприятия по популяризации антирелигиозной книги. В «горячий» 1929 год была проведена трехмесячная кампания по продвижению безбожной книги, но она, по оценке функционеров СВБ, не смогла достичь поставленных перед ней целей [19, д. 418, л. 10].

Своеобразным способом приучить широкие массы к безбожной печатной продукции были громкие читки, чаще всего проводившиеся на предприятиях и при учреждениях культуры. Их эффективность оценивалась в то время весьма высоко. Работники Некрасовской библиотеки, например, утверждали, что «громкая читка - самая лучшая форма антирелигиозной пропаганды» [Там же, л. 14]. Были отмечены случаи, когда слушатели затем спрашивали в библиотеках книги, отрывки из которых им зачитывались. Но этот опыт так и не перерос в стройную систему мероприятий и в будущем продолжения не получил.

Безбожники также имели возможность обращаться к широким массам посредством стенной печати. Знакомая со стенгазетами и материалами красных уголков, трудящиеся постепенно должны были привыкать к информации антирелигиозной направленности и затем искать ее уже самостоятельно. Одно время редакция газеты «Безбожник» даже рассылала в провинцию типовые красные уголки, которые оставалось только установить на месте. Однако серьезного влияния стенная печать не приобрела. Сплошь и рядом стенгазеты выпускались формально, «для галочки», а после выпуска не обновлялись. Достаточно сказать, что обловет СВБ в пример ставил Матвеевскую избу-читальню (Кунгурский округ), где в течение года было выпущено 4 номера антирелигиозной стенгазеты с 15 заметками [Там же, л. 14 об.]. Красные уголки оборудовались плохо. Обычным делом было наблюдать уголок, где «в одном углу, как иконы, наклеено четыре плаката» [Там же]. «Антирелигиозные уголки во многих клубах неинтересные, безжизненные. Чаще всего это набор случайных антирелигиозных плакатов и лозунгов... Уголок напоминает разрушенный иконостас» [Там же, л. 49]. Очень сомнительным представляется, что стенные газеты и безбожные красные уголки могли в подобном виде оказывать сколько-нибудь сильное воздействие на случайных зрителей.

В целом, как мы можем убедиться, на протяжении 1920-1930-х гг. уральскими безбожниками применялся весьма широкий набор методов антирелигиозной пропаганды. Однако разнообразие само по себе еще не является залогом эффективности. Основным фактором, снижавшим результативность усилий безбожников, являлся финансовый и кадровый голод, характерный для деятельности СВБ практически на всем протяжении его истории. Сказывался также недостаток опыта пропагандистской работы, вполне понятный в условиях молодости атеистического движения в СССР. В результате, даже тот разнообразный набор пропагандистских средств, который использовался атеистами в 1920-е-1930-е гг., не обеспечивал максимально возможный результат.

Список литературы

1. Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки борьбы с религией в СССР. М.: Россия молодая, 1992. 304 с.
2. Воронцов Г. В. Массовый атеизм: становление и развитие. Л.: Лениздат, 1980. 183 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5263. Оп. 1.
4. Там же. Ф. 5407. Оп. 1.
5. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930 гг. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 1999. 316 с.
6. Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М.: Луч, 1994. 171 с.
7. Покровская С. В. Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность: 1925-1947 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. 195 с.
8. Поляков А. Г. Методологические аспекты исследования церковно-государственных отношений и внутрицерковных процессов в контексте модернизации государства в конце 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10). Ч. 2. С. 138-145.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112.
10. Слезин А. А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 82-91.
11. Слезин А. А. «Безбожие» в 1930-е годы: апогей или кризис? // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета. СПб.: Нестор, 2005. Вып. 3. С. 115-120.
12. Слезин А. А. Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х годов // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 129-136.
13. Слезин А. А. Политический контроль среди молодежи 1920-х годов: победы на «фронте повседневности» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9). Ч. 2. С. 179-185.
14. Слезин А. А. Роль союза безбожников в реализации государственной политики в отношении религии (1924-1929 гг.) // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2009. № 2 (18). С. 85-90.

15. Тендит К. Н. Православная и советская культуры: точки сопряжения культовых традиций // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10). Ч. 3. С. 166-174.
16. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 3.
17. Там же. Оп. 5.
18. Там же. Оп. 6.
19. Там же. Оп. 7.
20. Там же. Оп. 8.
21. Там же. Оп. 11.
22. Там же. Оп. 12.
23. Там же. Оп. 14.
24. Там же. Оп. 15.
25. Там же. Оп. 33.
26. Там же. Оп. 35.
27. Шейнман М. М. К 10-летию юбилею СВБ // Антирелигиозник. 1935. № 5. С. 43-58.
28. Peris D. Storming the Heavens: the Soviet League of the Militant Godless. N.-Y., 1998.

ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA METHODS IN MILITANT ATHEISTS' UNION ACTIVITY IN MIDDLE URAL

Maksim Viktorovich Bulavin, Ph. D. in History
Department of History, Teaching Theory and Technique
Nizhnii Tagil State Social-Pedagogical Academy
bulavin.m@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the anti-religious propaganda methods applied by the organizations of Militant Atheists' Union within the territory of Middle Ural in the 1920s-1930s. The author pays special attention to the revelation of the advantages and disadvantages of the propagandistic methods which were used and the determination of their general effectiveness.

Key words and phrases: Militant Atheists' Union; secularization; atheism; anti-religious propaganda; atheistic movement.

УДК 94(470)

В статье затрагивается вопрос о снижении численности народонаселения в Российской Федерации на рубеже XX и XXI веков и о необходимости, в связи с этим процессом, роста народонаселения страны в целом, особенно в азиатской ее части.

Ключевые слова и фразы: народонаселение; демографическая политика; Российская Федерация; социально-экономическая политика.

Юрий Александрович Голуб

Кафедра современной отечественной истории

Исторический факультет

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

golub-tt@mail.ru

ПРОБЛЕМА РОСТА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ®

Человеческий капитал является одной из основ каждого государства, причем наиболее важной. Поддерживая его на должном уровне, государство обеспечивает себе устойчивое существование в политической, экономической и культурной сферах. Чем выше доля трудоспособного населения, чем лучше оно обеспечено материальными благами (под этим понимается уровень потребления) и возможностями получения образования, тем успешнее будет деятельность государства, в том числе и на мировой арене. В Таблицах 1-2, приведенных ниже, показаны данные, подтверждающие вышеуказанную гипотезу, которые отображают, с одной стороны, численность занятого населения, а с другой стороны, показывают изменения валового внутреннего продукта.

Как мы видим из Таблиц 1 [5] и 2 [4; 6; 8], рост числа занятых в экономике людей сопровождается, в целом, ростом валового внутреннего продукта. Таким образом, контролируемый рост народонаселения при правильной демографической политике дает государству больше возможностей для эффективной деятельности, хотя сам по себе он может быть и нежелателен для всех стран. К примеру, Индия и Китай - страны с растущими экономиками, стремятся ограничить рост населения из-за нехватки территориальных и производственных ресурсов для поддержания жизни народонаселения на должном уровне: обеспеченность жильем, образованием, рабочими местами, продовольствием.